Александр Лейфер

Подвиг Чокана

Очерк

Чужая жизнь —
безжалостней моей —
Зовет меня... И что мне
делать с ней?
Ведь можно лишь
рукою великана
В лазоревой
высокогорной мгле
Куском нефрита
выбить на скале
Рассказ о гордом
подвиге Чокана!

Так писал в 1937 году Сергей Марков, создавший впоследствии о Валиханове прекрасную книгу.

Необыкновенная, яркая жизнь этого человека не раз вдохновляла поэтов, романистов и драматургов. Специалисты, скрупулезно изучающие его научные труды, до сих пор не перестают удивляться их энциклопедичности и глубине. Чокан Валиханов. Гордость казахского народа. Гордость всей отечественной науки.

Его не раз сравнивали с метеором — небесным телом, неожиданно ворвавшимся в земную атмосферу, на какой-то миг ярко осветившим все вокруг и надолго оставшимся в памяти людей. Первым употребил это поэтическое сравнение человек, казалось бы, далекий от поэзии, археолог, профессор Н. И. Веселовский, подготовивший к изданию первое собрание сочинений Валиханова — собрание, вышедшее в 1904 году, почти сорок лет спустя после смерти автора.

Он ушел из жизни, не достигнув и тридцатилетнего возраста, но успел сделать так много, что обессмертил свое имя.

* * *

Осенью 1847 года по ступеням Сибирского кадетского корпуса уверенно поднимался пожилой казах, одетый в форму полковника русской армии. Рядом с ним считал ступени стройный черноголовый мальчик с быстрыми и немного растерянными глазами. Дальняя дорога из родного аула в незнакомый, показавшийся огромным Омск, широкие, заполненные людьми городские улицы и это внушительное белокаменное здание — все вызывало в мальчике робость. Но он старался не показывать свою растерянность ни перед отцом, ни перед важными господами в мундирах, к которым тот его привел: не пристало сыну уважаемого всей Степью Чингиса Валиханова, потомку древнего рода, идущего от самого Чингиз-хана, робеть перед кем бы то ни было. Отец разговаривал с хозяевами этого большого белого дома по-русски, и мальчик ничего не понимал, а только переводил взгляд с одного говорившего на другого. Но он знал, что речь идет о нем. Не раз еще дома, в ауле Сырымбет, отец говорил ему: «Для того, чтобы стать большим человеком, надо учиться. И учиться не только в мектепе*, где учителя знают лишь арабский язык да Коран, а в большой русской школе». И вот ему двенадцать, и он стоит перед людьми, которые долгих восемь лет будут учить его неведомым и желанным наукам.

— Как тебя зовут, мальчик?

Что это? Один из них знает язык Степи?!

— Не смущайся, мальчик, назови мне свое имя. Меня зовут Карл Казимирович Гутковский, а тебя?

— Мухамед-Ханафия, сын Чингиса, внук Вали, правнук Аблая** из рода чингизидов.

— О, какой знатный ты человек. Ну, а если проще? Как зовет тебя твоя мать?

— Чокан...

Валиханов - старший знал, что делал, когда забирал сына из мектепе и вез его в Сибирский кадетский корпус, основанный за два года до этого на базе войскового училища. Он сам в свое время закончил это училище и давно понял, что будущее Степи — в приобщении к русской и европейской культуре, в окончательном присоединении Казахстана к могущественной России. Земляки уважали Чингиса не только за власть и приличное состояние, но и за ум, образованность. Он

(Продолжение на 4-й стр.).

Александр Лейфер

Подвиг Чокана

Очерк

(Продолжение. Начало на 3-й стр.).

дважды бывал в Петербурге, сотрудничал с Обществом антропологии и этнографии при Казанском университете, дружил с учеными-ориенталистами, помогая им своими обширными сведениями о жизни казахов.

Полковник Валиханов знал, что во всей Сибири нет учебного заведения, которое могло бы сравниться с омским корпусом. В нем сын будет совершенствоваться не только в казахском, татарском, монгольском, персидском и арабском языках, но и изучит русский, французский, немецкий. Здесь преподают географию и историю, литературу и философию, ботанику и зоологию, физику и математику, геодезию и основы архитектурно - строительного искусства, черчение и рисование, основы сельскохозяйственного дела, а, кроме того, военные науки—тактику, фортификацию, артиллерию. Кадеты занимаются также плаванием, пением, строевой подготовкой, верховой ездой, даже танцами и фехтованием.

Но не знает отец Чокана, что его сына будут учить в корпусе не только этим наукам, что ему преподадут здесь нелегкую науку справедливости, что он выйдет из этих стен человеком не только высокообразованным, но и критически мыслящим — презирающим феодальную спесь казахской знати, ненавидящим жестокую колониальную политику царской администрации.

* * *

Подлинное просвещение, подлинная наука всегда были в России плохими помощниками самодержавия. Среди преподавателей корпуса было немало людей, мыслящих смело и нестандартно. Некоторых под видом служебного перевода направляли в Омск из университетов и других учебных заведений европейской части империи, это был один из способов избавляться от неугодных. А других приглашал новый инспектор классов корпуса И. В. Ждан-Пушкин. Об этом человеке стоит сказать особо*.

Иван Викентьевич Ждан-Пушкин прибыл в Омск в том же 1847 году, что и юный Валиханов. Инспектор классов был в корпусе вторым человеком после директора. В его ведение входила организация всего учебного процесса, подбор преподавателей. Сам будучи человеком блестяще и разносторонне образованным, либерально мыслящим, Ждан-Пушкин и от других своих коллег требовал преподавания не схоластического, а творческого, способного увлечь воспитанников, возбудить в них любовь к знанию. В корпус были приглашены способные и знающие педагоги — Н. Ф. Костылецкий, Н. Е. Старинов, Г. В. Гонсевский, друг Чернышевского В. П. Лободовский. Эти люди стали воспитателями и наставниками Чокана и его новых друзей.

На смышленого и не по годам усидчивого мальчика сразу же обратили внимание все. Этому способствовало и то, что он был единственным среди воспитанников корпуса казахом. Конечно же, заметил Чокана и Ждан-Пушкин.

(Продолжение следует).

---

* Политические пристрастия Ждан-Пушкина, его личная смелость видны на примере той помощи, которую он оказывал государственным политическим преступникам - петрашевцам Ф. М. Достоевскому и С. Ф. Дурову во время их пребывания в Омской каторжной тюрьме (1850—1854 гг.)—см. наш очерк «Омские годы Федора Достоевского» в первом сборнике «Судьбы, связанные с Омском» (Омск, 1976, стр. 43—44).

Александр Лейфер

Подвиг Чокана

Очерк

(Продолжение. Начало в № 110).

Он вообще был глубоко убежден, что воспитанники корпуса должны готовить себя не просто к военной службе и карьере, а к исследовательской деятельности на благо отечества. Однокашник и близкий друг Валиханова — будущий знаменитый ученый и путешественник Г. Н. Потанин впоследствии вспоминал: «Ждан-Пушкин говорил, что нам придется служить в Киргизской степи, что мы можем попасть в местности, где еще не бывала нога европейца, и, описав их, можем внести вклад в науку». Инспектор классов заметил, что Чокан с прохладцей относится к изучению точных наук, но зато любит географию, литературу, языки. И этот незаурядный педагог всячески поощрял устремления своего питомца: давал ему из своей личной библиотеки книги русских писателей и, что особенно важно, полузапрещенные в корпусе тома «Современника». Он не случайно знакомил юного казаха с лучшими образцами русской литературы. Он хотел, чтобы в душе воспитанника крепло ощущение величия страны, гражданином которой тот является. «Ждан-Пушкин хотел, чтобы любовь к Родине являлась руководящей идеей в будущей нашей жизни, и любовь к России действительно стала религией нашего сердца», — говорил Потанин.

По мнению многих биографов Ч. Валиханова, годы учебы в корпусе (1847—1853) были решающими для его дальнейшей жизни: здесь он сформировался и как ученый, и как прогрессивно мыслящий человек.

Из преподавателей сильное влияние на Чокана оказал Н. Ф. Костылецкий, предметом которого была история отечественной словесности. Официальная учебная программа была составлена весьма ограниченно и тенденциозно: изучались некоторые произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, а творчество Гончарова, Тургенева и Достоевского замалчивалось, имена Белинского и Герцена вообще находились под запретом. Но Костылецкий был поклонником «неистового Виссариона» и весь свой курс составил, руководствуясь его статьями. Второй страстью этого смелого и передового для своего времени* человека было востоковедение: он прекрасно владел арабским, персидским и татарским языками, собирал образцы казахского народного творчества, изучал быт народов Степи. К этим занятиям Костылецкий привлек и Чокана. Ученик помогал учителю собирать фольклорный и этнографический материал, переводить тексты и исподволь сам приобретал вкус к научной работе, интерес к истории и культуре народов Востока. Отношения между ними становились все более дружескими, оба любили восточную литературу, с восторгом читали вслух арабские стихи. Позднее Костылецкий заочно познакомил своего юного друга с известным ориенталистом И. Н. Березиным, и Чокан помогал тому в расшифровке некоторых казахских терминов. Все чаще и чаще в его руках можно было увидеть книгу по востоковедению.

До конца учебы было еще далеко, но и преподаватели, и товарищи по корпусу уже смотрели на Валиханова, как на будущего исследователя. Да и сам Чокан все чаще и серьезнее задумывался об этом. Однажды, стоя с друзьями - кадетами на берегу Иртыша, он вдруг отвлекся от общего разговора, как-то по-особому, жадно и задумчиво взглянул в уходящую к горизонту безлюдную заречную степь. А потом шутливо притопнул и сказал: «Бог знает, где эта нога очутится впоследствии».

Никто не знал тогда, как много правды окажется в этой шутке...

Он быстро овладел русским языком, был всегда весел, подвижен, общителен. К нему тянуло, с ним было интересно. Некоторые из

(Продолжение на 4-й стр.).

Александр Лейфер

Подвиг Чокана

Очерк

(Продолжение. Смотри 3-ю стр.).

преподавателей по воскресеньям приглашали юношу к себе домой — тем более, что родственников в городе у него не было.

Часто бывал Чокан у преподавателя всеобщей истории Г. В. Гонсевского. Не по своей воле попал в Сибирь этот человек, он был удален из столицы за сочувствие декабристам и участие в студенческих «беспорядках». Он, и находясь на преподавательской кафедре, не боялся излагать свой предмет соответственно своим демократическим убеждениям. «Лекции его, — вспоминает Потанин, — имели для нас большое значение. В кадетских корпусах историю по программе позволялось доводить только до 1815 года, но Гонсевский, конечно, с разрешения Ждан-Пушкина, довел ее до 1830 года, особенно подробно он прочел нам историю Великой французской революции». Перед мысленным взором юной аудитории вставали яркие фигуры Робеспьера и Марата, Сен-Жюста и Дантона. Гонсевский с жаром говорил об их заслугах, о политическом и культурном значении Великой революции 1789 года для развития Европы. А дома, не стесненный официальной обстановкой, он беседовал со своим учеником о вопросах, далеко выходящих за пределы программы: о современных политических движениях на Западе, о преимуществах республиканского строя перед монархическим, о прогрессе и регрессе в истории различных народов мира.

И семена падали на благодатную почву. «Беседы с Гонсевским, — пишет о Валиханове все тот же Потанин, оставивший о нем наиболее обширное мемуарное наследие, — познакомили его с политическими взглядами уже тогда, когда для его товарищей, и в том числе для меня, это была закрытая еще книга... То, что знал он, в чем превосходил нас, он не пропагандировал в товарищеской среде, но при случае бесспорно обнаруживалось его превосходство в знаниях. Как бы невольно он для своих товарищей, в том числе и для меня, был «окном в Европу».

Идут месяцы и годы. Все больше знакомых из круга омской интеллигенции становится у молодого казаха. Всегда приятно бывать в гостях у веселого и беззаботного на первый взгляд К. П. Померанцева.* Дома он не офицер, не преподаватель рисования, а художник, квартира его — настоящая мастерская. Им есть о чем поговорить и чем заняться, ведь Константин Померанцев — человек тонкого вкуса, отлично знающий европейскую и русскую живопись, а Чокан с детских лет тоже проявил себя как незаурядный рисовальщик. Острее становится глаз, вернее рука, держащая карандаш или обмакнутое в тушь перо. Он не знает еще, как это пригодится потом — на Иссык-Куле, в Кульдже, в Кашгаре, когда ежедневно придется делать десятки зарисовок...

(Продолжение следует).

---

* К. П. Померанцев, впоследствии, как и Валиханов, познакомившийся с Ф. М. Достоевским, является автором картины «Праздник Рождества в Мертвом доме» (выставлялась в Петербурге на годичной выставке Академии художеств в 1862 г.). Она считается первой иллюстрацией к «Запискам из Мертвого дома». Художник изобразил Достоевского и Дурова, находящихся в казарме каторжного острога, в окружении пьяных арестантов: изображения петрашевцев отличаются портретным сходством. Хранится картина в Московском музее-квартире Ф. М. Достоевского.

Александр Лейфер

Подвиг Чокана

Очерк

(Продолжение. Начало в № 110, 111).

Он частый гость и в доме Сотникова — ориенталиста, человека резкого в суждениях и смелого. Хозяин не может изучать жизнь народов Степи с академическим спокойствием. Он, знаток Востока, хорошо видит, как бедствует там простой люд — и от поборов своих богатеев, и под произволом царских колониальных чиновников. Слушая горячие речи Сотникова*, Валиханов начинает задумываться: а так ли уж мудры некоторые правительственные нововведения, направленные якобы на благо его народа?..

Чокан все больше и больше читает. Небогатая библиотека корпуса изучена вдоль и поперек, да и что изучать в ней — биографии генералов да описания стародавних баталий... Ему разрешено пользоваться городской фундаментальной библиотекой, он берет книги у своих старших друзей. Шекспир, Теккерей, Диккенс, французские философы-натуралисты великого Восемнадцатого века... И, конечно же, книги о Востоке, о походах — такие, как описание путешествия Палласа или записки Рычкова.

Но, разумеется, он не книжный червь. Он никогда не упустит возможности поговорить с интересным человеком, побывать среди поевропейски образованных людей. После отъезда Гонсевского Чокан чаще стал бывать у Карла Казимировича Гутковского. Приватно тот преподавал в корпусе географию и геодезию. Но основная его дружба была в Областном правлении сибирских киргиз**. Обрусевший поляк, Гутковский с 1838 года жил в Омске, хорошо знал жизнь казахов, пользовался среди них авторитетом человека справедливого и честного. С самого начала он по-отцовски относился к Чокану, а главное — ввел его в семью своих родственников Капустиных.

Замечательное семейство! Хозяин, Яков Федорович, несмотря на свой немалый чин советника, — человек простой, а жена его, Екатерина Ивановна, урожденная Менделеева, — само радушие и гостеприимство, она часто рассказывает о своем брате Дмитрии — подающем большие надежды химике, который защитил в столичном университете магистерскую диссертацию.

* * *

Сын же хозяев, Сергей***, несмотря на свою молодость уже известен как знаток крестьянского вопроса, печатает об этом статьи в журналах.

Впоследствии мемуарист напишет, что «молодые люди со вкусом к литературе и искусству посещали дом Капустина. Это был маленький клуб избранной омской интеллигенции, светилом которого был Карл Казимирович Гутковский, поклонник Кювье по философским вкусам, энциклопедист. Здесь собиралась лучшая омская молодежь; ни один замечательный проезжий не оставлял города, не побывав в этом доме. Если через Омск ехал какой-нибудь путешественник, Гутковский ловил его, вез к себе в дом, а потом в семейство Капустиных».

Атмосфера литературных и научных споров, разговор об искусстве и политических новостях окружала казахского юношу в этом доме. Но, пожалуй, важнее была для него возможность общаться здесь с отправляющимися в далекие края географами - путешественниками.

(Продолжение следует).

---

* Впоследствии Сотников за свои взгляды, неоднократно высказываемые им публично, был сослан на север Енисейской губернии.

** Киргизы (или киргиз-кайсаки) — официальное наименование казахов, бытовавшее в царской России.

*** С. Я. Капустин — выпускник Казанского университета, впоследствии — участник революционного движения.

Александр Лейфер

Подвиг Чокана

Очерк

(Продолжение. Начало в №№ 110, 111, 112.)

* * *

Такими были годы учебы Чокана. Из белоснежных стен корпуса он вышел человеком, блестяще образованным, с вполне сформировавшимися научными устремлениями и — что не менее важно — с критическим настроем ума. Последнее было заметно даже внешне: все ироничнее становились его остроумные реплики.

А поводов для иронии было немало. Закончив в 1853 году корпус, Валиханов формально был зачислен корнетом 6-го кавалерийского полка Сибирского казачьего войска. Но фактически он стал адъютантом генерал-губернатора и офицером особых поручений. Губернатором в то время был «ученый генерал» Гасфорт, говорили, что он слушал курс в Иенском, Дерптском и Мюнхенском университетах и имел пять докторских дипломов. Но столь высокая ученость не мешала ему быть человеком, мягко говоря, со странностями. Он то смущал горожан намеками на возведение ему прижизненного памятника, то требовал у духовенства колокольного звона при своем появлении. Известна его попытка ввести среди казахского населения новую, собственноручно изобретенную религию — некий гибрид между магометанством и православием. И помощник у Гасфорта был достойный — пруссак фон Фридерикс, который доклады выслушивал, играя на флейте, а подписанные бумаги взвешивал на безмене и хвастался потом, что в эту неделю подписал на столько-то фунтов больше, чем в предыдущую. В офицерско-чиновничьей среде преобладали солдафоны, взяточники, казнокрады. Естественно, что в этой компании Валиханов выглядел белой вороной. Он тяготился службой, мечтал о настоящем деле и отводил душу лишь за книгой или в кругу старых друзей. Контакты с окружением Гасфорта Чокан старался свести до минимума, это послужило причиной сплетен и заспинных перешептываний о заносчивости «зазнавшегося инородца».

Корпус был закончен в ноябре 53-го, а в самом начале нового, 1854 года вчерашний кадет встретился с человеком, о котором был немало наслышан, — только что вышедшим из Омского острога Федором Достоевским. Он и Дуров, ожидая распоряжений начальства относительно своей дальнейшей судьбы, жили тогда в доме их доброго приятеля — омского офицера К. И. Иванова (женатого, между прочим, на дочери декабриста И. А. Анненкова). Чокан часто бывал и в этой замечательной семье. Первая встреча стала началом большой и искренней дружбы. Девятнадцатилетний Валиханов впервые видел настоящего, живого писателя, автора знаменитых «Бедных людей». А Достоевского не могли не поразить ум и образованность молодого казаха.

И Федор Михайлович, и Дуров вскоре сыграют — каждый по-своему — немалую роль в жизни Чокана.

* * *

В 1853 году Валиханов совершил первую поездку по Казахстану. Во время ее он собрал много материалов. На следующий год молодой исследователь принимает участие в крупной военно-научной экспедиции под руководством полковника М. М. Хоментовского в Заилийский край — в бассейн озера Иссык-Куль. Он изучает древние памятники культуры, занимается топографическими съемками, делает зарисовки, собирает коллекции, записывает образцы фольклора.

Совсем недавно в одном из архивов советские исследователи нашли считавшийся утраченным подлинный текст записи, которую Чокан сделал во время иссыккульской экспедиции. 26 мая 1856 года на перевале Санташ он совершил великое фольклорное открытие, одно оно сделало бы славным его имя. У бродячего певца-эрчи он записал часть киргизского эпоса «Манас». Времени было мало, и записать удалось лишь отрывок, он вошел в науку под названием «Смерть Кунотой-хана и его поминки». Но чутьем

(Продолжение на 4-й стр.)

Александр Лейфер

Подвиг Чокана

Очерк

(Продолжение. Смотри 3-ю стр.)

ученого Валиханов понял, что за этим отрывком стоит грандиозное по своим масштабам, красочности и талантливости народное творение. Он писал о «Манасе» несколько лет спустя: «Энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица — богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Илиады. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли свое выражение в этой огромной эпопее».

Так было положено начало изучению этого замечательного эпоса киргизского народа — творения, насчитывающего более полумиллиона стихотворных строк.

Открытием, подобным обретению страны, назвал известный советский писатель Сергей Марков эту запись Чокана.

Вскоре Валиханову поручают поездку с дипломатической миссией в Кульджу — для восстановления торговых отношений России с Китаем. Он побывал там дважды, причем, во второй раз приблизился к границе Кашгарии — загадочной и недоступной для европейцев страны.

К этому времени относится знакомство и с П. П. Семеновым — одно из важнейших в жизни Чокана. Они встретились в Омске в 1856 году, конечно же, в гостеприимном доме Капустиных. Семенов тогда еще не был Тянь-Шанским, он ехал в свое первое путешествие по Сибири и Средней Азии. Но он уже был известен в научных кругах, имел вес в Русском географическом обществе. Чокан приятно удивил и заинтересовал его своими обширными познаниями, рассказами об экспедиции к Иссык-Кулю. А библиотека молодого коллеги привела столичного ученого в восторг: он никак не ожидал увидеть в захолустном Омске такое прекрасное собрание книг по ориенталистике: здесь были редчайшие исторические издания, здесь было все, что когда-либо печаталось по-русски о казахах.

«Само собой разумеется, — вспоминает Семенов — Тянь-Шанский в своих обширных «Мемуарах», — что я почел долгом обратить на этого талантливого человека особенное внимание Гасфорта и по возвращении моем из путешествия в Тянь-Шань подал мысль о командировке Валиханова в Кашгар, что и было впоследствии осуществлено Валихановым с полным успехом».

Но знакомства, подобные знакомству с Семеновым, встречи со старыми друзьями, дальние поездки и творческая работа чередуются с нудной службой и необходимостью общаться с шаркунами из генерал - губернаторского окружения. Порой приходили минуты отчаяния и сомнений. Именно в один из таких моментов и было послано письмо Достоевскому — тогда уже служившему рядовым в Семипалатинском линейном батальоне. Чокан просит у старшего товарища совета:

«...Омск так противен со своими сплетнями и вечными интригами, что я не на шутку думаю его оставить. Как Вы думаете об этом? Посоветуйте, Федор Михайлович, как это устроить лучше...»

Это был крик души. И Достоевский, измученный солдатчиной, сложностями личной жизни, издерганный и полубольной, чутко уловил всю важность письма. Он, отложив все дела, тотчас посылает подробнейший ответ*, в котором излагает для Валиханова целую жизненную программу:

(Продолжение следует).

Александр Лейфер

Подвиг Чокана

Очерк

(Продолжение. Начало в №№ 1[illegible]—113.)

«...Вы пишете, что [illegible] в Омске скучно — еще бы! Вы спрашиваете совета: как поступить Вам с Вашей службой и вообще с обстоятельствами. По-моему, вот что: не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните, мы об этом говорили). Всего лучше если б Вам удалось написать нечто вроде своих записок о степном быте, Вашем возрасте* [illegible] и т. д. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а Вы, конечно, знали бы, что писать (например, вроде Джона Теннера в переводе Пушкина, если помните). На вас обратили бы внимание и в Омске и в Петербурге. Материалами, которые у Вас есть, Вы бы заинтересовали собою Географическое общество. Лет через 7—8 Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей Родине. Например, не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время, служить своей Родине просвещенным ходатайством за нее... Вспомните, что Вы первый киргиз — образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу и сердце... Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданьями о судьбе Вашей, мой дорогой Валиханов. Я так Вас люблю, что мечтал о Вас и о судьбе Вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу Вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что Вы первый из Вашего племени, достигший образований европейского. Уже один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности...»

Разумеется, не только Достоевскому обязан Валиханов правильным выбором жизненного пути. Но он последовал многим советам своего друга — писателя. Один из авторов** обратил внимание, что даже литературная деятельность казахского ученого проявлялась как раз в том научно-художественном жанре, который в качестве образца рекомендовал ему Достоевский — «вроде Джона Теннера».

Было время, когда дружба Валиханова с автором «Бесов» и «Дневника писателя» замалчивалась, некоторые близорукие исследователи считали, что она чуть ли не бросает тень на биографию Чокана. Но в 1956 году замечательный казахский писатель Мухтар Ауэзов сказал об этом прямо и недвусмысленно:

«Достоевский, — писал он в журнале «Дружба народов», — советует Чокану выступить с «просвещенным ходатайством»! за свой народ... В этих заботливых думах Достоевского о Степи, о долге первого просвещенного сына этой Степи сказалась светлая, благородная роль передовой русской интеллигенции в судьбе народов России... Нам бесконечно дорого сознавать, что великий русский писатель Ф. М. Достоевский говорил о своих думах и чаяниях с лучшими представителями казахского народа, что он мыслил будущее этого народа связанным с русским народом...»

Прекрасным свидетельством исторической дружбы русских и казахов назвал М. Ауэзов дружбу двух этих великих людей.

* * *

«Самое сильное влияние на Чокана имел Дуров», — утверждал Потанин. Он имел в виду влияние политическое.

(Продолжение на 4-й стр.).

Александр Лейфер

Подвиг Чокана

Очерк

(Продолжение. Смотри 3-ю стр.)

Они жили недалеко друг от друга — юный выпускник корпуса, еще не утративший окончательно наивности, весь устремленный мечтами в будущее, и вчерашний узник Мертвого дома, а ныне мелкий служащий — насквозь больной после каторги, но ни на йоту не отступивший от своих революционных идей*. Сергей Дуров обладал большим даром убеждения, иному стоило побеседовать с ним вечер, чтобы стать совсем другим человеком. Так случилось с тем же Потаниным. Он вернулся в 1857 году в Омск после нескольких лет службы в «казачьем захолустье», вернулся с весьма смутными понятиями о происходящем в стране, с ура-патриотическими представлениями о недавно закончившемся тридцатилетнем правлении Николая I. Вначале сам Чокан пытался открыть другу глаза, но когда сделать этого не удалось, он свел Потанина к Дурову, и как вспоминает сам Потанин: «Я ушел от Дурова единомышленником Чокана, и споры между нами прекратились».

Именно дружба с несломленным поэтом - петрашевцем, долгие и частые разговоры с ним подорвали у первого казахского просветителя веру в русского царя, он начал понимать, что самодержавие не принесет прогресса ни его народу, ни всей России в целом.

В 1857 году сбылось одно из пожеланий Достоевского: по рекомендации Семенова Чокана Чингисовича избирают действительным членом Географического общества. Об организации экспедиции в Кашгарию стали говорить все настойчивее — и теперь уже не только в Омске, но и в Петербурге.

Близился его главный подвиг, главное дело его жизни.

* * *

«Над Средней Азией висела до сих пор какая-то таинственная завеса. Несмотря на близкое соседство двух могущественных европейских держав России и Англии**, большая часть ее все-таки остается для европейской науки во многих отношениях недоступною. Наш ученый товарищ по Обществу П. П. Семенов... пришел к тому заключению, что Центральная Азия исследована никак не более внутренней Африки», — так говорит Валиханов в начале своих знаменитых «Очерков Джунгарии»***, написанных после путешествия в Кашгарию — страну, над которой «таинственная завеса» была особенно плотной. Эта страна**** находилась в Западном Китае, в административном и политическом отношении была подвластна Цинской династии и имела торговые сношения лишь с Кокандом. Последним обстоятельством и решено было воспользоваться.

Стало известно, что лет пятнадцать назад из Кашгара выехал в укрепление Верное***** богатый торговец — кокандский подданный. Затем он переехал в Саратов, и след его затерялся. В Верном все помнили: торговец увез в Россию и своего малолетнего сына — Алимбая. Легенда, прикрывающая Валиханова, была простой: он превращался в молодого купца Алимбая — выросшего на берегах далекой Волги и едущего в родные места совершенствоваться в древнем занятии отца. Организована экспедиция была на широкую ногу.

(Продолжение следует).

---

* О пребывании Дурова в Омске смотри также «Судьбы, связанные с Омском», сборник первый (Омск, 1976, стр. 54—57).

** Имеется в виду не метрополия, а Индия, являвшаяся тогда английской колонией.

*** Одно из названий Кашгарии.

**** Ныне территория Уйгуро - Синьцзянского автономного района КНР.

***** Ныне Алма-Ата.

Александр Лейфер

Подвиг Чокана

Очерк

(Продолжение. Начало в №№ 110—114.)

В Семипалатинске снарядили большой торговый караван: на 20 тысяч рублей товаров, 165 верблюдов и лошадей. Все предприятие было строго законспирировано. Чокан должен был ждать караван на пути того из Семипалатинска в Кашгар. Он инкогнито жил в юрте верного человека, но шло время, а каравана не было. Уже прошли все сроки, соседи хозяина юрты тронулись на летние пастбища, юрта оставалась в одиночестве, и это, конечно же, могло вызвать подозрение, испортить все дело, так долго готовившееся.

Тогда Чокан решился.

«Оставаться мне более у Гирея нельзя, — писал он Гутновскому, непосредственному организатору экспедиции. — Ехать вперед по пикетам нельзя, вы увезли все регалии и подорожную. Остается одно — сделать превращение и ехать по степи на Семипалатинск (т. е. навстречу каравану — А. Л.)... Я должен буду день скрываться где-нибудь в камнях, подобно филину, а ночью рыскать, как барантач*. Со мною нет ничего: ни огнива, ни кремня, ни хлеба... Прощайте. Сегодня я исчезаю. Что будет, ведает один лишь бог».

Он не отступил и добился своего: встретился с запоздавшим караваном, где у караван-баши хранились документы на имя Алимбая.

Девять с половиной месяцев длился этот ежедневный подвиг. Опасности подстерегали караван еще по дороге к границе Кашгарии, несколько раз его путь преграждали разбойники. Подлинное имя и занятие Алимбая из 34 человек караванной прислуги знал лишь один караван-баши. Украдкой по ночам Чокан писал дневник, многие записи которого восхищают своей мужественной лаконичностью. Например, такая: «Сегодня мы перешли Зауку и выступаем в страны неведомые и незнаемые». Перед первым китайским пикетом дневник пришлось зарыть.

Впереди простиралась Кашгария — страна, раздираемая восстаниями и междуусобными войнами, страна, где человеческая жизнь ценилась дешевле связки сена, и порой отрубленные головы целыми днями валялись в уличной пыли. В 1272 году здесь побывал великий итальянец Марко Поло, в 1603 — португальский иезуит Гоес. И все**. О молодом немецком ученом Адольфе Шлагинтвейте, за год до семипалатинского каравана отправившемся сюда со стороны Индии, не было никаких известий. Валиханов первым узнал об его ужасной судьбе: Шлагинтвейт появился в Кашгаре как раз во время восстания, и обкурившийся гашишем мятежный ходжа приказал отрубить чужеземцу голову и выставить ее на всеобщее обозрение — на вершину пирамиды, аккуратно сложенной опять же из человеческих голов.

Недаром, рисуя местные нравы, Чокан Чингисович приводит в «Очерках Джунгарии» слова из местной народной песни: «Трудно содержать в кашгарском городе лошадь, потому что связка сена стоит 12 пулов, но еще труднее сохранить голову, потому что вай! вай!»

(Продолжение следует)

* Барантач — угонщик чужого скота. Баранта, кстати сказать, считалась в Степи в те времена отнюдь не воровством, а чуть ли не доблестным, молодецким поступком.

** Был еще один европеец, пробравшийся в Кашгар, но имя его до сих пор неизвестно. Валиханов пишет о нем так: «Немец, офицер остиндской службы, неизвестный по фамилии, после которого сохранился чрезвычайно любопытный маршрут и записка о его путешествии... был бит в Кашгарии бамбуками так больно, что два дня не мог садиться на лошадь». До путешествия Валиханова записка этого человека считалась в научных кругах, фальшивкой.

Александр Лейфер

Подвиг Чокана

Очерк

(Продолжение. Начало в №№ 110—115).

Недаром в этих очерках, которые есть не только научная статья, но и блестяще написанное литературное произведение, столько страсти и убийственной иронии. Автор скромен и немногословен, когда речь идет о тех опасностях, которым он ежечасно подвергался в этой стране, где прожил почти полгода. Но он полон боли и гнева, когда говорит о царящей там разрухе, о сожженных древних храмах и библиотеках, о простом трудовом народе, превращенном в «дикое, невежественное племя, развращенное исламом и забитое до идиотизма религиозным и монархическим деспотизмом туземных владельцев, с одной стороны, и полицейской властью китайцев — с другой».

Живя в Кашгарии, он ездит по ней, встречается и беседует с десятками самых разных людей — «с лицами всех наций, сословий и партий», приобретает старинные книги, собирает многочисленные коллекции, фольклор, делает массу зарисовок. В то же время нельзя забывать о торговых сделках, ведь для всех он — Алимбай, купец, интересующийся в первую очередь барышом. Вот где пригодилось и знание языков, и умение располагать к себе людей!

Где-то там, в кажущемся отсюда невероятно далеком степном Омске, волнуется верный друг Гутковский. В Семипалатинске ждет о нем вестей Федор Михайлович. В Петербурге с тревогой думает о молодом коллеге Петр Семенов. Наверняка, изнывает от нетерпения и генерал Гасфорт, мечтающий поскорее отрапортовать в столицу о благополучном завершении столь деликатного дела.

А здесь все полно кровавыми воспоминаниями о недавно подавленном восстании: вернувшись, китайцы в отместку за пирамиды ходжи расправлялись с правым и виноватым.

И все чаще среди торговых людей можно услышать перешептывания по поводу того, что есть среди семипалатинских караванщиков переодетый офицер русской армии. Все чаще ловит он на себе чей-нибудь подозрительный взгляд.

Пора уезжать.

7 марта 1859 года караван тронулся в обратный путь. За ним была послана погоня — к счастью, безуспешная. А 13 июля из Омска в Петербург полетела депеша:

«Караван, посланный в мае минувшего года в Кашгар, окончив успешно свои торговые дела, возвратился в Семипалатинск. Вместе с тем прибыл в г. Омск и находившийся при этом караване поручик султан* Чокан Валиханов».

Больным вернулся в Омск мнимый Алимбай. Сказывались физические лишения, постоянное нервное напряжение. Но начальство торопит: надо составлять отчеты. И не только для коллег из Географического общества. Ведь он привез массу сведений политических и экономических. Их ждут в столице — в Генеральном штабе и министерстве иностранных дел, в Государственном совете и комитете министров... Этот отчет долгое время будет считаться секретным, он существенно поможет в устройстве русских торговых факторий в Кашгаре, в установлении культурных и торговых связей с Западным Китаем, а следовательно — уменьшит в этом районе английское влияние, стабилизирует там обстановку.

Омск, осень 1859-го. Сплошное грязное месиво представляют собой улицы городского предместья с «говорящим» названием Мокринский форштадт**, где живет Валиханов. Небольшие деревянные домики, лишь выделяется среди них один неуклюжий «двухсполовиноэтажный» особняк купчихи Коробейниковой, недалеко от которого квартирует Чокан и

(Продолжение на 4-й стр.).

---

* Султан — в то время официально принятое в Российской империи наименование лиц, ведущих свой род от Чингиз-хана.

** Часть города, находившаяся на правом берегу Оми, в районе нынешних улиц Чехова, Сенной, Газетного переулка и др.

Александр Лейфер

Подвиг Чокана

Очерк

(Продолжение. Смотри 3-ю стр.)

который он с извечной своей иронией называет «Вестминстерским аббатством Мокрого». Но сейчас грязь мало волнует его, он редко выходит из квартиры: надо успеть закончить отчеты к началу санного пути. И в Петербург! Где давняя его мечта — университет. Где Семенов и куда по слухам скоро будет разрешено переехать из Твери полупрощенному Достоевскому. Где все главные светила отечественной ориенталистики...

И он, несмотря на слабость, пишет, пишет, пишет! Докладные, отчеты, наброски, планы будущих статей и выступлений. Он не спит ночами над главным итогом своей тайной кашгарской экспедиции — трудом «О состоянии Алтышара* или шести восточных городов Китайской провинции Нань-Лу (Малой Бухарии)». Труда, который заполнит не одно белое пятно в представлении географов мира об этом районе Азии.

Здесь, на Мокринском форштадте, в квартире, заполненной изящными восточными безделушками и древними манускриптами, продолжался его кашгарский подвиг.

Наконец, самые важные бумаги посланы срочной почтой вперед, отъезжает вслед за ними и Валиханов.

Начинается петербургский период его короткой жизни. Полтора года научного триумфа, славы, чинов и наград, блистательных знакомств, светских раутов. Полтора года работы, чаще всего ночной и не менее вдохновенной и изнурительной, чем там, возле нелепого величия «Вестминстерского аббатства». И за всем этим ежедневная, незаметная борьба с болезнью, борьба, увы, неравная, ибо здешний климат в ней — враг, а не союзник.

Молодому ученому аплодирует общее собрание Русского географического общества, где он делает короткое, но емкое сообщение. Отклики на него вскоре появляются в английской «Таймс»**.

Он хорошо знаком теперь с редактором «Записок Русского географического общества» ботаником А. Н. Бекетовым, с известнейшими востоковедами Ф. Р. Остен-Сакеном, И. И. Захаровым, В. В. Вельяминовым.

Достоевский ввел в круг литературный: брат его Михаил, Страхов, Аполлон Майков, Полонский, поэт одного журнала «Искра» Николай Курочкин, Крестовский...

Наконец-то, он вхож в храм науки — столичный университет и посещает там лекции.

С благословения и под руководством Е. П. Ковалевского изучает интереснейшие бумаги азиатского департамента министерства иностранных дел. О молодом казахе лестно отзывается и первый дипломат страны — министр Горчаков — тот самый, которому писал друг его юности Александр Пушкин: «Фортуны блеск холодный не изменил души твоей свободной».

В Военно-ученом комитете Генерального штаба он редактирует карты Средней Азии и Восточного Туркестана.

Дружески помогает Семенову держать корректуру его перевода трудов немецкого географа Карла Риттера.

Пишет и готовит к изданию собственные сочинения. Их задумано так много!

С одной стороны — его удостаивает приема сам Александр II — приема, на котором, судя по всему, оба не очень-то понравились друг другу.

А с другой стороны — о его деятельности одобрительно отзывается «Колокол» лондонского изгнанника Искандера.

(Продолжение следует.)

---

* Алтышар — одно из названий Кашгарии.

** В Англии же еще в 1865 году вышла книга «Русские в Средней Азии», где использованы и его работы.

Александр Лейфер

Подвиг Чокана

Очерк

(Продолжение. Начало в №№ 110—116).

И опять работа. Милейший Егор Петрович Ковалевский, директор азиатского департамента, попросил подучить своих подчиненных восточным языкам. Петербургские газеты просят статей о жизни Степи, это тоже необходимо — ведь здесь немало людей, считающих казахов чуть ли не динарями, значит, надо пользоваться и этой возможностью говорить правду о своем народе.

Нельзя забывать и того, что это были не просто полтора года — с конца 1859 по начало 1861-го. Они выпали на особый период русской истории, ставший потом в ее анналах целым понятием — «шестидесятые годы». Страна на пороге крестьянской реформы. Позади эпоха Николая Палкина и недавний позор Крымской кампании. Впереди... Вот что впереди? Этот вопрос и волнует всю мыслящую Россию. «В столицах шум, гремят витии». Даже цензура слегка приотпустила свои вожжи.

Бурное, кипящее время. И, конечно же, Чокан хочет понять его. Он читает Чернышевского и Добролюбова*, лучшие журналы, слушает лекции кумира петербургских студентов профессора Костомарова, автора только что появившейся монографии о восстании Степана Разина**.

Да, он стремился выжать из Петербурга все, что возможно, и результатов добился невероятных. Но и Петербург по капле выжал из его тела здоровье.

Весной 1861 года Чокан Чингисович из-за обострившейся болезни уезжает из столицы. Он думал, что кумыс родных степей быстро поставит его на ноги, что скоро он вернется обратно — к науке, к новым друзьям, к университету.

Откуда он мог знать, что обратного пути не будет, что дома — в отцовском ауле, в Омске — его ждет глухая стена неприятия и непонимания.

Ему оставалось четыре года жизни — самых тяжелых и мрачных. Радость свидания с родными была недолгой. Его перестали понимать здесь. Почему не почитает Магомета и, по слухам, ни разу не переступил порога столичной мечети? Зачем занимается смешным для достойного человека делом — записывает песни оборванцев - акынов? Ему тяжело в отцовском доме, лучше уж Омск.

А в Омске уже нет многих из старых и верных друзей. Далеки и друзья петербургские. Непонимание, неприятие и откровенная травля со всех сторон.

Он посылает по инстанции записки — о судебной реформе, о мусульманстве в Степи. Но лишь укрепляет за собой славу опасного вольнодумца. Еще бы! Он, например, осмеливается говорить, что мусульманство вредно казахам.

Он просит направить его консулом в Кашгар, но это место отдают другому.

Наконец, он решает выдвинуть свою кандидатуру на выборную должность султана — правителя Атбасарского округа, стать честным администратором, приносить посильную пользу своему народу. Победа на выборах одержана, но казахская знать и омские чиновники незаконно не утверждают его в этой должности: одних не устраивают его взгляды, у других опасение более простое — такой султан может помешать воровать, безнаказанно обирать простых людей.

---

* Современные исследователи (О. Сегизбаев) находят в некоторых сочинениях Валиханова, созданных им после пребывания в Петербурге, прямые отголоски конкретных работ Чернышевского и Добролюбова.

** Рассказывают такой эпизод. В Петербурге, стоя в толпе, Валиханов смотрел на народ. Рядом какой-то хлюст возмутился, что его задел по-простому одетый человек. «Почему не почистят публику?» — заявил он. «А вы не читали у Костомарова, как Разин чистил публику?» — громко сказал на это Чокан.

Александр Лейфер

Подвиг Чокана

Очерк

(Окончание. Начало в №№ 110—117).

Справедливость пытался восстановить Карл Казимирович, но безуспешно.

Он конфликтует не только с омским начальством, но и с казахской феодальной верхушкой, подкупленной царской администрацией. Причины этого хорошо видны из письма А. Майкову, посланного в Петербург:

«С местными султанами и богачами из черной кости я не лажу, потому что они дурно обращаются со своими бывшими рабами, которые теперь хотя и освобождены, но живут у них, не зная как уйти... Зато с пролетариатом степным я в большой дружбе и скоро сходимся».

А здоровье все ухудшается. Это чахотка — застаревшая, прогрессирующая.

Но он не сдается. Он жаждет деятельности. В 1864 году организуется экспедиция в Кокандское ханство с целью его присоединения к России. Валиханов глубоко убежден, что шаг этот в принципе необходим и прогрессивен. Он едет с военной экспедицией в качестве переводчика. Войска идут от Сыр-Дарьи и Верного на Ташкент. Командующий экспедицией полковник Черняев, как некогда Наполеон в египетском походе, окружил себя учеными, литераторами, художниками. Но вот на пути первый казахский город, имеющий военные укрепления, — Аулие-Ате". Чокан уверен, что можно и нужно обойтись без кровопролития, этому будет способствовать и его знание языков, местных обычаев. Но Черняев по всем правилам военного искусства берет город с боя, предварительно пообещав своим солдатам разрешить грабить его в течение одного дня.

«Потери неприятеля в настоящее время еще не известны. Вчерашнего числа погребено жителей по моему распоряжению 307 тел. У нас во всем отряде легко ранено 3 человека, контужен один офицер и один рядовой», — такое донесение посылает «доблестный» полковник своему начальству. А одновременно с донесением демонстративно уезжают из лагеря возмущенный штабс - ротмистр Валиханов и несколько других русских офицеров. Они не желают иметь ничего общего с этим лже-Наполеоном, который на деле мало чем отличается от кашгарских ходжей и богдыханов.

Чокан едет не домой в родной Сырымбет. И не в Омск. Путь лежит в далекий аул его знакомого — султана Тезека. В Семиречье почти к границе с Китаем.

Он еще надеется жить, он на Тезеке. В Семиречье, почти к границе с Китаем.

Но скоро весна, и дни Чокана сочтены.

10 апреля 1865 года его не стало.

* * *

Друзья вспоминали потом его любимое выражение: «Перед вечностью все это ничтожно». Он говорил эту фразу по какому-нибудь случайному поводу и загадочно улыбался.

А Григорий Потанин написал о друге так:

«Чокан жил со своими современниками, обменивался с ними своими страстями, но интересовался судьбой больше людей будущего».

Будущее. Вечность. Должно быть, об этих вещах думают сегодня люди, когда стоят у подножия величественного обелиска, сооруженного в 1959 году у Алтын-Эмельского перевала — в том самом месте, где когда-то начинался славный путь Чокана в Кашгарию.